

Поник Мария Викторовна

ПОЭТОНИМОСФЕРА "ВЕЛИКОГО ПЯТИКНИЖИЯ" КАК ЭЛЕМЕНТ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ФОРМУЛЫ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Представленная работа ставит своей целью дешифровать антропологическую формулу Ф. М. Достоевского через имя собственное как локальную деталь его поэтического инструментария. Научная новизна статьи заключается в том, что здесь впервые предпринимается попытка системно рассмотреть ономастикон зрелой романистики писателя, открывающий новый взгляд на прочтение концепции человека в его литературном наследии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/7-1/45.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (25): в 2-х ч. Ч. I. С. 162-165. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

В целом «конты», являясь произведениями «массового спроса», немало способствовали созданию того представления о французской литературе и культуре XVIII века, о котором пишет Ж. де Пленваль: «Взятый в целом, XVIII век с самого начала оставляет впечатление фривольного столетия» [14, p. 152].

Список литературы

1. **Aubert J.-L.** L'Amour filial, conte moral dont l'idée est prise du tableau de M. Greuze, exposé au Salon du Louvre. 1763. S. I. 4 p.
2. **Borde Ch.** L'amour anachorète // Contes en vers. Londres: J. Nourse, 1764. P. 22-34.
3. **Borde Ch.** Un malheur ne vient pas sans un autre // Contes en vers. Londres: J. Nourse, 1764. P. 7-21.
4. **Chaussard P.-J.-B.** Épître sur quelques genres dont Boileau n'a point fait mention dans son Art poétique. P.: P. Didot l'aîné, 1811. 32 p.
5. **Dessiaux J.** Traité complet de vercification française, ou Grammaire poétique de la langue française. P.: Vve Marie Nyon, 1840. 390 p.
6. **Dorat C.-J.** Réflexions sur le conte // Contes et nouvelles. P.: L. Lefilleul, 1882. P. 5-15.
7. **Junquières J.-B.** Introduction // Contes en vers extraits des manuscrits du révérend Père Grisbourdon, cordelier. P.: A. Lacroix, Verboeckhoven et Cie, 1868. P. 5-8.
8. **Junquières J.-B.** Le sortilège // Contes en vers extraits des manuscrits du révérend Père Grisbourdon, cordelier. P.: A. Lacroix, Verboeckhoven et Cie, 1868. P. 69-71.
9. **La Fontaine J. de.** Préface de l'auteur sur la deuxième partie de ses contes // Contes de La Fontaine avec illustrations de Fragonard: 2 vol. P.: A. Le Vasseur, 1891. T. 1. P. LVII-LXI.
10. **Lantier É.-F. de.** Le fakir. Constantinople: Impr. du muphti, 1780. 24 p.
11. **Les loups, les chiens et les moutons:** conte pour ne pas rire. S. n., s. a. (179...). 14 p.
12. **Marmontel J.-F.** Poétique française: 2 vol. P.: Lesclapart, 1763. T. 2. 571 p.
13. **Nogaret F.-F.** Le Nuage et le Soleil // Les conteurs gallants des XVII-e et XVIII-e siècles; 5-6. Le fond du sac: recueil de contes en vers: 2 vol. P.: A. Le Vasseur, 1894. T. 1.
14. **Plinval G. de.** Histoire de la Littérature française. P.: Hachette, 1984. 304 p.

CANONICAL AND NON-CANONICAL "CONTE" IN FRENCH POETRY OF THE XVIIITH CENTURY

Pinkovskii Vitalii Ivanovich, Doctor in Philology
Northeastern State University
alennart@mail.ru

The author considers the popular genre varieties of the French poetry of the XVIIIth century –“conte” (le conte) according to canonicity or deviation from the canonicity, shows how the dominant genre purpose of entertainment, –“amusement” leads to the profanation of moralistic poetry properties, in general terms emphasizes the place of –“conte” among the factors creating the view of the culture in the XVIIIth century as a whole, and introduces into domestic literary criticism circulation a number of texts representing the –“mass production” of the genre (–“contes” by J.-B. Junquières, Ch. Borde, etc.).

Key words and phrases: French poetry of the XVIIIth century; canonical and non-canonical genres; erotic-adventurous, epigrammatic, moralistic, pseudo-moralistic –“contes”; –“frivolous century”.

УДК 8 21.161.1

Филологические науки

Представленная работа ставит своей целью дешифровать антропологическую формулу Ф. М. Достоевского через имя собственное как локальную деталь его поэтического инструментария. Научная новизна статьи заключается в том, что здесь впервые предпринимается попытка системно рассмотреть ономастикон зрелой романистики писателя, открывающий новый взгляд на прочтение концепции человека в его литературном наследии.

Ключевые слова и фразы: Ф. М. Достоевский; «великое пятикнижие»; антропологическая формула; концепция человека; поэтоним; ономастическое пространство; микропоэтика.

Поник Мария Викторовна

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского, Украина
maria9v@mail.ru

**ПОЭТОНИМОСФЕРА «ВЕЛИКОГО ПЯТИКНИЖИЯ»
КАК ЭЛЕМЕНТ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ФОРМУЛЫ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО[©]**

Появление пяти больших романов Ф. М. Достоевского, которые, по словам П. М. Бицилли, вмещают в себе «—всё, все —мировые вопросы» [2, с. 580], во многом было подготовлено предшествующими им крупными произведениями автора.

Но только «новый роман» стал «синтетическим жанром, способным поглотить любые художественные и нехудожественные жанры» [5, с. 139]. Он предоставил писателю дополнительные возможности для выражения собственных представлений об извечных проблемах мироустройства и о текущей действительности.

В «великом пятикнижии» окончательно установился и взгляд классика на подлинную сущность людской природы. В заново выстроенной под влиянием сибирской ссылки его антропологической формуле исходную позицию занимают христианские идеалы. «Если в начале человек представлял для писателя загадку психологическую, то в пору создания великих романов она обрела для него религиозную глубину» [4], — подчеркивает М. М. Дунаев.

В «пятикнижии» оформился и оригинальный поэтический язык мастера. В ономастической лаборатории это обнаруживается в индивидуальных принципах его имятворчества.

Именник — один из самых совершенных элементов микропоэтики «больших» романов Достоевского, причем как в отношении значения, так и формы. Изучение семантики онима непременно выводит к специфике его структурной организации. Анализ же конструкции имени способствует извлечению тонких смысловых оттенков — субъективной авторской оценки героя. Взаимодействие формы и содержания именованной отчужденности всего проявляется при обращении к его функциональной составляющей, то есть к идее, заложенной прозаиком и сопряженной с духовной сущностью персонажа. (При этом, несмотря на концептуальную «нагруженность» каждого звена трехчастной структуры поэтонима, фамилия действующего лица — наиболее семантически емкая и стилистически красноречивая составляющая антропонима).

Так, осознание писателем, пережившим на каторге «перерождение убеждений», того, что разгадывание многомерной людской природы нельзя свести к однозначным психологическим или социальным закономерностям, передают в «пятикнижии» именованья, значение которых не сразу раскрывает нарисованные характеры.

В частности, Достоевский использует **антропонимы-коды сущностных качеств личности**, семантико-этимологическая сторона которых не «вычитывается» в результате поверхностного знакомства с онимом (Свидригайлов («Преступление и наказание»); Радомский, Тоцкий («Идиот»); Ставрогин, Виргинский, Кармазинов («Бесы»); Версилов, Ахмакова («Подросток»); Карамазов, Миусов, Хохлакова («Братья Карамазовы») и проч.), а также **косвеннохарактеристические именованья**, производящая основа которых не позволяет уловить внутренние качества нареченных персонажей без комплексного анализа всего ономастического пространства текста (Раскольников, Мармеладов, Лужин («Преступление и наказание»); Барашкова, Рогожин, Епанчин («Идиот»); Флибустьеров («Бесы»); Стебельков, Пруткова («Подросток»); Светлова, Смердяков, Красоткин, Снегирев, Лебедев («Братья Карамазовы») и проч.).

Нередко, правда, автор обращается и к **поэтономам прямой психологической номинации**. Однако сложность литературных образов не сужается лексическим значением смыслообразующих корней антропонимов, а, напротив, отражает определенную единоподобность в обрисовке действующих лиц, заостряя внимание на принципиально важной для авторского замысла грани их духовных портретов (Разумихин, Лебезятников, Порох («Преступление и наказание»); Бурдовский («Идиот») — от «бурда», то есть «чепуха», «вздор»; Верховенский, Дергачев, Шатов («Бесы»); Фетюкович («Братья Карамазовы») — от «фетюк», то есть «дурак», «простофиля» и проч.).

Объяснение зрелым Достоевским противоречий человеческого естества с опорой на Священное Писание продиктовано православной традицией, составляющей основу его картины мира, сложившейся после каторги. На именном уровне это проводится с помощью **ассоциаций между поэтономом и его значением, приведенным в святцах**; через **аллюзии на персонажей Священной истории**. (Привязка именованья к церковному календарю и религиозным текстам очевидна для читателей второй половины XIX века).

Системные отношения, скрепляющие антропонимы, обязывают рассматривать их не только в границах одного произведения, а и в метатексте всех «больших» романов, где литератором «обыгрывается» общее значение онимов (Петр — от др.-греч. «камень», Алексей — от греч. «защитник», Катерина — от греч. «чистая», Софья — от греч. «мудрость», Лизавета — от др.-евр. «Божья клятва», Анастасия — от греч. «воскресшая» и проч.).

Герои, однако, своим поведением могут как «оправдывать» семантику антропонима, которым наделены (к примеру, поэтономом «Софья» обозначены тихие, кроткие, покорные, почитающие Господа женщины, чья «мудрость» — в смиренном исполнении миссии, возложенной Создателем; Петрами поименованы персонажи, которые добровольно возвели «каменную» преграду, укрывшись за ней от «живой жизни» — в высокомерии, корыстолюбии, стремлении к власти и капиталу, поэтому наказание, если не на людском, то на небесном суде, неминуемо для них), так и не «справляться» с предназначением, уготованным им при имянаречении (антропоним «Лизавета», в частности, нередко объединяет своевольных, одержимых гордычек, нарушающих принесенную «Божью клятву», — обреченные на несчастье сами, они мучают при этом и окружающих). Это логично соотносится с тем, что для романиста каждая личность определяется отношением к Творцу и к ближнему: он «не снимает вины с человека, даже сознавая дьявольское развращающее влияние» [Там же].

Таким образом, Достоевский намеренно подчеркивает сходство в характерах и судьбах тезоименных героев. «Варьирование» же, заключающееся в различных «поведенческих сценариях» действующих лиц, проявляется в семантических «скрепах», образуемых между именем персонажа, его патронимом и фамилией.

Мастер убедительно проводит идею многосоставности природы человека также и посредством конструктивной стороны имени собственного.

Рефлексивность, постоянная борьба светлого, божественного, и искушительного, греховного, начал в героях выявляется через **антитезу**, положенную в основу их антропонимов. Это позволяет, избежав открытого

декларирования позиции писателя, недвусмысленно донести ее. Данный прием отчетливо демонстрируется, к примеру, оксюморонным поэтонимом «Лев Мышкин» («Идиот»).

Но, выстраивая онимы, классик нередко прибегает и к неявному, скрытому контрасту в значениях подобранных им элементов именованности. Так, например, в романе «Преступление и наказание» внутренняя полярированность центрального персонажа раскрывается через анализ имплицитно заложенных в антропониме коннотаций: Родион Романович Раскольников — «герой» (значение имени), в чьей натуре произошел раскол, разлад, раздвоение, приведшие к страшному злодеянию, умышленному «поиску справедливости» вне Бога. В романе «Идиот» имя Настасьи Филипповны Барашковой соотносит мотив заклания беспорочного агнца с темой «воскресения», возрождения грешницы, блудницы. Данный принцип реализован и в антропонимах «Братьев Карамазовых». Имя Аграфены Александровны (Грушенька) Светловой акцентирует мысль, что лишь любовь, раскаяние и смирение способны привести «горестную» (перевод имени с латинского) женщину к очищению в свете Христовой истины. Поэтоним «Федор Павлович Карамазов» проблематизирует либо победу «Божьего дара», духовной силы, которой отец семейства наделяет и своих сыновей Федоровичей, или же темного, порочного, сладострастного начала, уживающегося в каждом из Карамазовых — Черномазовых.

Противопоставлением в структуре антропонима передаются и почвеннические убеждения Достоевского, укрепившиеся в каторжно-ссылные годы, когда романист обнаружил в русском народе искреннюю привязанность ко Христу, потребность веры, идущей от сердца, а не от знания церковных канонов и догматов. Таков, к примеру, поэтоним «Макар Иванович Долгорукий» («Подросток»): все многообразие подтекстов, возникающих в связи с именем героя, коррелируют с аристократической, княжеской фамилией. Под этим подразумевается сила «деятельной любви» в основании чистосердечной веры, исправляющей и направляющей человека к духовному богатству, равенству, примирению и братству всех во Христе. То есть антитеза служит сведению, синтезу разнополюсных явлений.

Со стороны формы симптоматичны **«редуцированные» антропонимы**, намекающие на особую роль героев, выделенных подобным образом среди других действующих лиц. Например, поэтоним «Порфирий Петрович» («Преступление и наказание») усиливает функциональную нагрузку характера в развитии сюжетной линии произведения. Порфирий — от греч. «багряный», то есть высокородный, властвующий и несущий справедливость. После нарушения заповеди «не убий» Раскольниковым, тот пребывает в конфликте с Божьей правдой — в лице Сони, и с правдой человеческой — в лице правового начала Порфирия [1, с. 124-125]. Но следователя волнует не уголовное преследование преступника, а его раскаяние, выход к вечным истинам, к внутреннему осознанию греха и, следовательно, к его искуплению. Он заботится не о юридическом наказании душегуба, а о его покаянии. Сходную роль играет и Антон Лаврентьевич Г-в, Хроникер в «Бесах», который своим родовым именем, образованным от греч. «вступать в бой», «состояться», и благородным отчеством (Лаврентий — от лат. «лавр», «лавровое дерево», «украшенный лавром») как бы ставится в оппозицию к существующим в городе событиям. Он не стал ни участником злополучной «пятерки» бесов, ни членом компании Юлии Михайловны. Отсутствие развернутой фамилии подчеркивает это противопоставление: наблюдая за всеми, герой вышел «победителем» греха, так как оказался непричастным к кругу тех, кто утратил основополагающие нравственные ориентиры, отверг божественные заповеди в жажде первенства ценою людской крови, произвола, страха и подчинения.

Показательна для творческой мастерской Достоевского и **ошибка в имени персонажа/«самонаречение»** как инструмент для постановки семантических ударений, «оживляющих» содержание образа (Родион Романович — Родион Родионыч Раскольников, Настасья Петровна — Настасья Никифоровна, Амалия Львовна — Амалия Федоровна — Амалия Ивановна Липпехель, Софья Семеновна — Софья Ивановна Мармеладова, Разумихин — Вразумихин — Рассудкин («Преступление и наказание»); Тимофей Лукьянович Лебедев — Лукьян Тимофеевич Лебедев («Идиот»); Аркадий Макарович — Алексей Макарович — Андрей Макарович — Аркадий Андреевич Долгорукий — Коровкин («Подросток»); Николай Ильич Снегирев — Словоерсов — Мочалка («Братья Карамазовы») и проч.).

Помогает усилить доминирующее начало изображаемого характера (положительное, позволяющее постичь суть «живой жизни» «интуитивно, «главным» умом — мудростью сердца» [7, с. 242], либо отрицательное — рациональное, головное) и **прием аналогии** — контекстуальное «умножение» духовно-психологических качеств героя. В структуре именованности это может быть показано эксплицитно либо имплицитно. В первом случае каждый компонент имени служит явным подтверждением функции персонажа, его роли в тексте романа (так в поэтониме «Петр Петрович Лужин» («Преступление и наказание») «говорящая» фамилия представлена рядом с повторяющимся в имени-отчестве негативным для поэтонимосферы «великого пятикнижия» элементом, через который происходит дублирование основной авторской интенции). Но удвоение передаваемой антропонимом идеи может «прочитываться» не сразу (например, в семантике элементов именованности «Пульхерия Александровна» скрыт «чистый жар сердца», духовная сила героини, готовой поддержать своих детей, что оставило прекрасным «до старости» не только ее лицо, но и душу (Пульхерия — от лат. «красивая», Александр — от греч. «защитник»).

На уровне поэтики имени заявляет о себе и неравнодушие Достоевского к сиюминутному, злободневному, к вызовам современности. Это, по заключению Л. И. Сараскиной, обусловлено тем, что он «умел в себе сочетать и православные чувства, и чувства гражданские <...> одно другому совсем не мешало, гармонировало, органично сочеталось в писателе» [6].

Таким образом, сюда относятся те герои его художественной прозы, поэтонимы которых являются средством не индивидуализации, а типизации характеров, в том числе выступают и для выражения социальной карикатуры, взгляда мастера на будущее России. В основе их онимов **аллюзии, на расшифровку которых наталкивает знание эпохи, окружения, биографии писателя**. В частности, персонажам «больших» романов «достались» фамилии петербургских домовладельцев Харламова, Буха, портного Шармера («Преступление и наказание»); имена няни писателя Алены Фроловны («Бесы»), старорусских ямщиков Андрея, Тимофея, хозяина тамошной лавки Плотникова («Братья Карамазовы»); старинные дворянские фамилии — Епанчины («Идиот»), Долгорукие, Версиловы, Сокольские («Подросток») и проч.

Данный пласт антропонимов также имеет тесную связь с религиозно-философскими убеждениями автора, в русле которых формировалась его концепция человека. Так как для Достоевского «события происходят здесь и сейчас, но на фоне совершающейся в вечности Евангельской истории и в перспективе грядущего Царства Божия» [8, с. 124], то введение упомянутых имен собственных можно трактовать как указание на личную со-причастность и со-ответственность каждого современника со всем случившемся в мире.

Знаменательно, что в художественных текстах классика, ставших объектом данной статьи, наличествуют и **поэтонимы с «прозрачной» внутренней формой** (Шелопаев, Безземельная, Кобылятниковы, Толстяков («Преступление и наказание»); Кулаков, Салазкин, Вилкин («Идиот»); Осетров, Червяков («Подросток»); Бельмесова, Колбасников («Братья Карамазовы») и проч.), и **именования с явной эмоционально-экспрессивной окраской** (Фердыщенко («Идиот»); Кудрямов, Афердов («Подросток») и проч.), не оставляющие у реципиентов сомнений как в искусственности, неправдоподобности, так и в неслучайности их выбора. Однако ими наделены герои третьего плана, то есть проходящие, упоминаемые, фоновые, в ком сложные, многосоставные душевные начала центральных персонажей укрупняются до размеров односторонней страсти или идеи [3]. Этим мотивирована и усеченная, однокомпонентная конструкция преобладающей части подобных онимов.

Итак, Ф. М. Достоевскому было важно через литературные тексты, написанные в новой художественной манере, донести до читательской аудитории свои изменившиеся в каторжный период мировоззренческие ориентиры. В «великом пятикнижии» это в первую очередь отражается на его понимании истинной сути людского существования, одно из имплицитных средств передачи которого — имена действующих лиц. Рассмотрение наиболее репрезентативных принципов ономастики поздней романистики Достоевского (где имя собственное бгует в триединстве значения, формы, функции) приближает к верной дешифровке «антропологического кода» классика.

Список литературы

1. Белов С. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: комментарии. М.: Просвещение. 1984. 240 с.
2. Бицилли П. М. Трагедия русской культуры. М.: Русский путь. 2000. 606 с.
3. Грехнев В. А. Словесный образ и литературное произведение: книга для учителя [Электронный ресурс] // Тамарченко Н. Д. Теоретическая поэтика: понятия и определения. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Tamar/20.php (дата обращения: 01.05.2013).
4. Дунаев М. М. Федор Михайлович Достоевский (1821-1881) [Электронный ресурс] // Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений. URL: http://palomnic.org/bibl_lit/bibl/dunaev/11/ (дата обращения: 01.05.2013).
5. Захаров В. Н. Система жанров Достоевского (типология и поэтика). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. 1985. 208 с.
6. Из интервью с Л. И. Сараскиной. Когда закончится Достоевский? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravmir.ru/fedor-dostoevskij-dve-storony-cerkovnosti-svetlaya-i-temnaya-video/> (дата обращения: 01.05.2013).
7. Кустовская М. А., Машкова Е. Е. «Живая жизнь» в литературе соцреализма: взгляд сквозь призму Ф. М. Достоевского // Достоевский и современность: мат-лы XXVI Международных старорусских чтений. Великий Новгород, 2012. С. 239-250.
8. Степанян К. А. Явление и диалог в романах Ф. М. Достоевского. СПб.: Крига, 2010. 400 с.

POETONYMOSPHERE OF "GREAT PENTATEUCH" AS ELEMENT OF F. M. DOSTOEVSKII'S ANTHROPOLOGICAL FORMULA

Ponik Mariya Viktorovna

Tauride National University named after V. I. Vernadskii
maria9v@mail.ru

The author sets the aim to decipher F. M. Dostoevskii's anthropological formula through a proper name as a local part of his poetic tools, and for the first time undertakes the attempt to consider systematically the onomasticon of writer's mature Romance philology, revealing a new view on the interpretation of conception of a man in his literary legacy.

Key words and phrases: F. M. Dostoevskii; «great Pentateuch»; anthropological formula; conception of a man; poetonym; onomastic space; micro-poetics.